

Оглавление

Предисловие	7
Глава 1. Идея	19
Глава 2. Я — подопытная крыса	28
Глава 3. Подготовка к съемкам	51
Глава 4. Съемочный период	65
Глава 5. Постпродакшн	83
Глава 6. Дорога в ад	103
Глава 7. Охота	123
Глава 8. Columbia Pictures	153
Глава 9. Постпродакшн, дубль два	171
Глава 10. Теллурайд и Торонто	189
Глава 11. Постпродакшн, дубль три	200
Глава 12. Фестиваль “Сандэнс”	217
Глава 13. “Эль Марьячи”: выход в прокат	228
Эпилог. Проклятье “Эль Марьячи”	239

Аннотация

Считается, что в киноиндустрии можно добиться успеха, имея лишь связи и деньги. Перед вами реальная история начинающего режиссера – выдержки из личного дневника 23-летнего Роберта Родригеса о создании его первого полнометражного фильма “Эль Марьячи”, покоровшего Голливуд.

Это рассказ о кино “изнутри”, который перевернет ваше представление об всем, что связано с созданием и продвижением кино. А также послужит ценным учебным пособием для начинающих сценаристов и режиссеров.

Robert Rodriguez

Rebel without a crew Or How a 23-Year-Old Filmmaker with \$7,000

Книга рекомендована к изданию Леонидом Бирюлиным

© Robert Rodriguez, 1995

© Перевод на русский язык, издание на русском языке, оформление. ООО “Манн, Иванов и Фербер”, 2015

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Правовую поддержку издательства обеспечивает юридическая фирма «Вегас-Лекс»

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

* * *

Предисловие

Мои самые ранние воспоминания связаны с кинотеатром. Я был третьим ребенком из десяти. Каждую неделю мама возила нас в кинотеатр «Олмос» городка Сан-Антонио, где мы смотрели по два-три полнометражных классических фильма.

Мама всегда с осторожностью и подозрением относилась ко множеству фильмов, заполонивших кинотеатры, и доверяла нашим юным глазам и умам только ленты, похожие на кинокартины ее детства. Поэтому наша кинодиета состояла из порций мюзиклов «Метро Голдвин Майер», комедий братьев Маркс и иногда – двойной программы Хичкока. Я до сих пор помню потрясающий эффект от сеанса «Ребекки» и «Завороженного». Мою маму звали Ребекка. Полагаю, именно поэтому она брала своих маленьких детей на просмотр мощных, словно из сна Сальвадора Дали, сцен падающего на шипы ребенка в «Завороженном» или горящего поместья Мандерли, рухнувшего на одержимую госпожу Дэнвер в «Ребекке».

Помню, как на занятиях в пятом классе я сидел на последней парте со словарем и рисовал на полях каждой страницы маленьких человечков: при пролистывании получался настоящий комикс. Я не обращал никакого внимания на учителя: это было мое время, и такого шанса теперь нет и больше никогда не будет. Целый день я мог терпеливо и внимательно, в деталях создавать собственные фильмы – тщательно разрабатываемые комиксы с непобедимыми персонажами в главной роли, которые прыгали по страницам, сражались со злом и разносили все, что попадалось им на глаза.

Я был не очень силен в математике, науках, истории... Во всем, на самом деле. Но старшим ребятам нравились мои комиксы. Помню, как я радовался, когда кто-то просматривал эти бумажные мультики и смеялся. Это было так увлекательно, и я продолжал рисовать. В восьмом классе, после просмотра картины Джона Карпендера «Побег из Нью-Йорка», мы с друзьями поняли, что хотим создавать собственные настоящие фильмы.

Пусть даже мультипликационные. Но у нас не было оборудования. В книгах Рэя Хэрихаузена говорилось, что для создания рисованных и пластилиновых мультипликаций нужна по крайней мере 16-миллиметровая камера с возможностью покадровой съемки. Пластилиновая мультипликация – это лучший жанр, в котором здорово творить, когда молод: можно снимать часами, и при этом пластилиновые актеры не будут жаловаться, просить еды, и им не нужны дублеры. У отца была старая камера Super 8 мм, но ею невозможно было делать мультипликационную съемку. Поэтому я импровизировал: закрывал затвор объектива и передвигал пластилиновых героев. Правда, при этом оставался раздражающий эффект вспышек. Мне было необходимо подходящее оборудование.

Этой камерой я пробовал снимать обычные фильмы, но результат обескураживал. На кинолентку за пять долларов мы снимали ролик, который длился две с половиной минуты, ждали несколько дней, тратя еще семь долларов на проявку, и каждый раз после просмотра я был разочарован. Отснятый материал всегда казался грубым, автоматическая экспозиция обычно была отключена, видеоряд выглядел примитивно – все это очень расстраивало. Бесплезная трата средств. Попробовав так снимать пять или шесть раз, я бросил это дело. Казалось, что киносъемка требует слишком много денег. Денег, которых у меня не было. Но затем случилось чудо.

В 1979 году отец, зарабатывающий продажей кухонной посуды, тонкого фарфора, хрусталя и т. п., купил на рынке электрооборудования очередную техническую новинку (он покупал все, что могло, как ему казалось, улучшить продажи). Это был кассетный видеомагнитофон JVC с четырьмя головками, который он надеялся использовать в создании презентаций для продаж. Тогда это было достаточно дорогое устройство, поэтому вместе с покупкой отцу дали подарок – старую камеру Quasar, подключающуюся к видеомагнитофону кабелем длиной чуть больше 3,5 м. Она была полностью на ручном управлении и без видискателя. Чтобы понять, куда она направлена, приходилось смотреть в телевизор. Отец отдал мне инструкцию, чтобы я разобрался с ней. Но не успел он оглянуться, как я уже снимал пластилиновые мультики и коротенькие комедии с участием братьев и сестер. Для подающего надежды кинорежиссера, растущего в семье из двенадцати человек, самой хорошей новостью было именно наличие бесплатных актеров и съемочной группы. Из-за искажений, возникавших каждый раз при нажатии паузы, мультипликационные ленты выглядели не очень презентабельно, но фильмы с участием живых актеров получались великолепно.

У старых видеомагнитофонов было куда больше дополнительных функций, чем у нынешних самых современных моделей. Наш имел функцию пересведения звуковой дорожки, которая позволяла стирать звук и добавлять новый без уничтожения видео. Поэтому я делал короткометражки, монтировал с помощью камеры, а затем накладывал звук. Эта новая игрушка занимала меня почти год. Я снимал все подряд: новорожденную сестру (десятый ребенок), семейные посиделки, собственные короткие научно-фантастические комедии про кунг-фу – одним словом, все, что только приходило мне в голову, и все, что находилось в радиусе трех с половиной метров (я был ограничен шнуром). Замечательно, что за те же десять долларов, ухидивших на съемку немого фильма с камерой Super 8, теперь получалось двухчасовое видео с цветной картинкой и звуком, который можно было переписать.

Наступил век видеоизображения. Дела реально сдвинулись с места, когда отец решил купить еще один видеомагнитофон, поскольку власть над первым заполучил я. К его изумлению (а может, и нет), второй я тоже забрал. Я понял, что если их соединить, можно даже делать монтаж, проигрывая фильм на одном и записывая на втором. А чтобы убирать ненужный материал, легко использовать кнопку паузы. Так появилась на свет моя система монтажа. С тех пор я снимал фильмы, монтировал их на двух видеомагнитофонах и затем накладывал звуковые эффекты и музыку. Этим и занимался с 13 до 23 лет. В то время я еще не понимал, что, создавая фильмы таким грубым способом и тратя на это много времени, закалялся перед будущими проблемами и препятствиями в кинопроизводстве.

Работая с двумя видеомагнитофонами, можно получить хороший, чистый монтаж. Однако когда я останавливал устройство ради проверки и затем перезапускал с того места, где остановился, появлялся неисправимый дефект, безнадежно портящий весь фильм. Я был вынужден создавать ленту без возможности проверить монтажные переходы до финального кадра. И все это приходилось делать в один присест, потому что видеомагнитофон мог оставаться на паузе только в течение пяти минут, затем отключался. А это значило, что придется перезапускать машину и получать на выходе ужасный глюк. Поэтому я должен был успеть смонтировать кадр и быстро найти следующий.

Это приучило меня снимать короткий видеоряд с минимальным числом дублей. Чем больше сырого видеоматериала я получал, тем больше времени занимали поиски нужного дубля и увеличивались шансы, что магнитофон выключится и фильм будет испорчен. Создавая картины таким способом на протяжении десяти лет, я научился заранее мысленно прокручивать, как лучше монтировать. Мне пришлось научиться. Права на ошибку при смене кадров я не имел: обратной дороги не было. Такой навык превизуализации очень пригодился позднее, при съемках полнометражных фильмов. Подобному опыту вас не научат ни в одной режиссерской школе, поэтому для меня это оказалось бесценно.

В старших классах я учился в частной школе, которая на самом деле была юношеской семинарией. Я практиковался в создании фильмов на протяжении всего обучения и видел, что каждый новый получался неизменно лучше предыдущего. Мои короткометражки становились все более популярными, и учителя позволяли сдавать вместо курсовых работ курсовые фильмы.

Никто не упрекал меня: все знали, что я вкладываю больше труда, времени и сил в свои ленты, чем затратил бы на написание сотни письменных курсовых. Кроме того, мне разрешали в главных ролях задействовать одноклассников. Съемки проходили прямо в классе. В итоге я так и не научился хорошо писать, но получил отличный опыт визуализации.

Я познакомился с Карлосом Галлардо, который позже стал звездой моих короткометражек, а затем – кинорежиссером. Карлос был студентом-пансионером из Мексики, и поскольку я жил через улицу от школы, он приходил ко мне на выходных, и мы снимали на заднем дворе короткометражные комедии. Свои фильмы я старался делать не длиннее пятнадцати минут, потому что хотел захватить все внимание зрителей. Я обнаружил, что чем быстрее и короче получается лента, тем большему количеству людей она нравится. Такие фильмы зрители хотели пересматривать, и это было лучшим комплиментом.

Во время летних каникул я навещал Карлоса в Сьюдад-Акунье, и мы тоже создавали там своего рода комедийные фильмы. Городок красивый, место для съемок – на открытом воздухе, и жители привыкли видеть нас бегающими по городу с видеокамерой Карлоса. Наиболее удачно получалась постановка трюков посреди загруженной улицы. После съемок я возвращался домой и монтировал фильм на моих верных видеомагнитофонах, добавлял музыку и звуковые эффекты. Затем посылал Карлосу копию, чтобы он отдал ее для показа на местном телевидении. Кроме того, он одалживал пленку танцевальным клубам, и они прокручивали фильм на больших мониторах.

Я закончил школу и каким-то чудом получил стипендию на обучение в Техасском университете Остина. В первых классах мои оценки были довольно слабыми, но к третьему году обучения в младшей школе я все чаще появлялся в списке отличников. Неожиданный рост успеваемости был связан с тем, что мои мультики и фильмы нравились сверстникам, и я постепенно обретал уверенность.

Благодаря стипендии я все-таки решил пойти в Техасский университет: там открыли факультет режиссуры. Мои родители мечтали, что все их дети поступят в высшие учебные заведения и станут обладателями ученых степеней. Но единственная степень, которую я мог получить, – по режиссуре,

поскольку не было больше ничего, над чем бы я трудился так упорно. Для меня это был неплохой план. Но появилась проблема: я не мог поступить в университет, пока не окончу двухлетнее обучение математике, наукам, истории и английскому языку. Эти занятия назывались “отсеивающие”. Казалось, они были созданы только для того, чтобы обучить зубрежке и всунуть в кратковременную память как можно больше информации.

По окончании обучения мой средний академический балл оказался слишком низким, и дорога на факультет режиссуры передо мной закрылась. На курс принимали меньше 30 человек, а желающих поступить было гораздо больше – более 200, поэтому абитуриентов набирали по итоговому баллу. Если ваш балл высокий, шансы неплохие, а если нет – забудьте об этом факультете.

Многие желающие смогли попасть на заветный факультет, но затем создавали отвратительные фильмы. Я был из тех творческих молодых людей, которые из-за низкого среднего балла остались вне стен университета в качестве сторонних наблюдателей.

Чтобы повысить свой уровень, я посещал занятия по художественному искусству и одновременно работал художником-мультипликатором в университетской газете The Daily Texan. Начал с Los Hooligans – ежедневного юмористического комикса, прототипом главного персонажа которого послужила моя самая младшая сестра Марикармен. Комикс приобрел популярность, и мои творческие способности все больше развивались. В то же время я продолжал создавать домашние короткометражки, и две из них – “Дэвид и сестры” и “Затопленный” (с братьями и сестрами в главных ролях) – победили на нескольких видеофестивалях.

Также я снял “Истории Остина” – трилогию короткометражных лент (опять же с братьями и сестрами в главных ролях) и отправил на третий национальный кинофестиваль океанского побережья и видеофестиваль в Остине. Трилогия заняла первое место, обойдя фильмы, снятые на факультете режиссуры. Затем я отнес мое призовое видео Стиву Мимсу – профессору режиссуры, заявив, что я обошел его студентов, несмотря на мой низкий средний балл и даже без посещения занятий. Он посмотрел фильм и допустил меня к обучению.

Я понимал, что возможность учиться – отличный шанс попробовать снять фильм на пленку 16 мм. Такой фильм может удостоиться награды и получить признание. Мои ленты были хороши, но большинство кинофестивалей принимало работы, снятые только на кинопленку. В университетской среде несложно достать бесплатное оборудование для профессиональной съемки, и я могу сделать фильм с минимальными затратами. В качестве актеров я снова выбрал младших братьев и сестер, а также тщательно поработал над раскадровкой. Для начала снял домашнюю версию, смонтировал и показал родственникам, чтобы стало понятно, что еще нужно сделать.

Я наполнял фильм самыми невообразимыми идеями и разнообразными трюками с камерой. В конце концов на свет появилась восьмиминутная лента “Больной на голову”. Моя короткометражка заняла несколько первых мест, участвуя в 14 кинофестивалях. Радовало, что на многие подобные конкурсы стали допускаться видеокассеты.

Я снимал фильмы на 16-миллиметровую пленку, переводил на кассету и только потом монтировал. VHS-копии уже отсылал на фестивали, и видеокассеты расценивались как пленочные фильмы, поскольку изначально были сняты на кинопленку. Все это дало возможность создавать ленты почти без затрат и получать признание на кинофестивалях, имея всего лишь дешевую финальную копию.

“Больной на голову” обошелся где-то в 800 долларов. Сценарий я писал исходя из производственных возможностей: братья и сестры, родители, дом, велосипед сестры и скейтборд брата. Все это вместе с творческой составляющей и молниеносной техникой повествования, которой я научился благодаря коротким ранним работам, имело большое значение при съемках этого фильма. Весь предыдущий опыт плюс тот, который я получил при создании юмористических комиксов, помог мне сделать фильм таким, какой он есть.

Вместе с победами, наградами и признанием, получаемыми на фестивалях, я осознавал, что пришло время попробовать себя в полном метре. Если однажды кто-нибудь предложит мне стать режиссером, то речь будет идти не о коротком, а о полнометражном фильме. Поэтому я решил: мне нужна такая же практика в создании полного метра, какая была в создании короткого. Это был тот самый опыт, который обеспечил мне сегодняшний успех. Если хотите научиться играть на гитаре, не следует ожидать, что, взяв пару занятий, вы сумеете делать что-то технически совершенное. Вы должны практиковаться в своем гараже, пока не сотрете пальцы в кровь. То же самое проделывал я со своими домашними фильмами: создал около 30 коротких художественных лент, смонтировал, поставил начальные и финальные титры, наложил музыку и звуковые эффекты.

Попав на занятия по режиссуре, я убедился: многие студенты мечтали снимать фильмы, но еще ни разу не прикасались к камере. Каждый вкладывал около тысячи долларов в картину, в итоге не оправдывающую ожиданий. Несостоявшиеся режиссеры решали, что не подходят для этой профессии, и уходили в другие сферы деятельности. Я помню свои первые работы. Мне совсем не хотелось тратить на эти ужасные эксперименты тысячи долларов: я записывал фильмы на магнитную пленку, и обходились они довольно дешево. А поскольку такое занятие доставляло удовольствие, я

просто занимался этим, пока не преуспел. И если вы бродите с видеокамерой и снимаете все вокруг, продолжайте в том же духе и не слушайте снобов, твердящих, что вы попусту тратите время. Я начинал с обычного видео и недорогих форматов, чтобы научиться правильному построению сценария. Когда я перешел к съемке на киноплёнку, было уже не страшно: по сути, это одно и то же.

Если вы хотите создавать фильмы, но не можете позволить себе занятия в режиссерской школе, не переживайте: в принципе, вас там ничему не научат. Никто и никак не сможет обучить вас рассказывать истории. Да вы и сами не захотите учиться: в противном случае все будут делать это примерно одинаково. Как интереснее рассказывать, вы поймете в ходе процесса, придумывая собственные способы.

Никто не научит снимать фильмы без бюджета и команды: вам объяснят, как работать с большой командой – и после обучения вы сможете поехать в Голливуд, чтобы протягивать кабели на съемках чужого фильма.

Или вас научат налаживать связи. Говорят, что единственный путь в кинобизнес – знакомство с нужными людьми. Вероятно, это поможет войти в дверь, но не гарантирует, что вы долго пробудете внутри. Рано или поздно ваш покровитель поймет, что вы больше не можете приносить доход, и вы окажетесь за дверью. Вы – всего лишь кратковременная мода.

Адъос.

Так как же попасть туда? Вот мы и приблизились к главному...

Я никогда особенно не увлекался написанием сценариев, но много раз читал, что лучший способ научиться – сесть и написать две полных сюжетных схемы, а затем взять и выбросить их. Вы многому научитесь, создав свои первые литературные опыты, но они однозначно будут ужасны, поэтому обязательно выбросите их. И уже затем приступайте к настоящему сценарию.

Нет, не слушайте! Тот, кто это придумал, был чокнутым. Ну, в некотором смысле. Я имею в виду, что у каждого режиссера есть плохие фильмы, и чем скорее вы через это пройдете, тем лучше. Просто я знаю, что никогда не смогу заставить себя потратить массу времени на создание двух полных сценариев только для того, чтобы потом выкинуть их в корзину. Очень тяжело найти мотивацию писать, зная, что в любом случае то, что у вас получится, придется выбросить, потому что оно будет ужасным. Но, положив руку на сердце, я никогда не смог бы заставить себя написать сценарий, не зная заранее, что с ним будет. Продам я его? Сожгу? Буду ли переписывать в течение трех лет и надеяться, что когда-нибудь это сделает меня богатым? Чтобы приступить к чему-либо – написанию сценария, например, – необходима мотивация.

Мотивация написать сценарий к “Эль Марьячи”¹ была очень проста: меня осенило – вместо того чтобы написать два сценария и выбросить, почему бы не снять по ним малобюджетные фильмы? Таким образом можно попрактиковаться как в написании сценариев, так и в создании фильмов. Именно это я и решил сделать с “Эль Марьячи”. Напишу два сценария с одинаковыми персонажами, сниму по ним низкочастотные фильмы, и все своими силами. Затем продам на испанский видеорынок, а там никто из кинобизнеса не сможет их увидеть – на случай, если ленты получатся плохими. Выходит, я практически выброшу сценарии, только мне за это заплатят. Это гораздо более действенный мотиватор. Потом я напишу третий сюжет – третью серию “Эль Марьячи”, и также продам его на испанский видеорынок, но только если он получится реально хорошим.

Написание и режиссура трех фильмов подряд позволят приобрести желаемый опыт и стать более уверенным. Я смогу использовать лучшие сцены из трилогии или же всю третью часть в качестве демокассеты. Это даст возможность получить финансирование для настоящего кино. Ну, скажем, “Секс, ложь и видео”, или “Бешеные псы”, или что-то другое. Ворвавшись в независимый американский кинематограф, я притворюсь, будто раньше ничего подобного не делал... Мысли просто обуревали меня, не давали покоя: я думал, почему никто никогда не делал этого раньше? И вообще, может ли быть такое, что никто никогда раньше не делал? Может ли быть, что я додумался до чего-то особенного? Даже если третья часть окажется ужасной, все равно я смогу продать свои фильмы на испанском видеорынке, немного заработать – и оказаться на седьмом небе от счастья. Я люблю создавать фильмы. Делать фильмы, зарабатывая этим и на жизнь, и на съемку новых проектов, было бы лучшим занятием в мире. Я невероятно вдохновился этой идеей.

Все слышали о независимых режиссерах, получавших широкую известность после съемок одного великолепного фильма. А следующая их работа подвергалась такому вниманию кинокритиков, что больше о них никто никогда не слышал. Думаю, причина в том, что успех пришел к ним раньше времени – до того, как они успели поэкспериментировать, отточить свой стиль и раскрыть талант. Мне было всего 23 года, и я не спешил врываться в киноиндустрию плохо подготовленным, хотя уже выиграл несколько фестивалей со своими короткометражками. Я понимал, что, создавая свои первый, второй и третий полнометражные фильмы в полной безвестности, получаю возможность без лишнего шума ошибаться, свободно экспериментировать, развивать талант во всех направлениях, потому что

---

¹ От исп.: el mariachi – “музыкант”

собираюсь работать без какой бы то ни было команды. Я изобретал собственную режиссерскую школу, в которой сам буду единственным учеником, а моими учителями станут опыт, ошибки, проблемы и решения. Самым лучшим было то, что даже если проекты окажутся неудачными, никто никогда их не увидит, а я все равно верну деньги.

Вот это я называю мотивацией. И уже через три недели я приступил к сценарию первого “Эль Марьячи”. Невероятно, как быстро приходят идеи, когда ты знаешь, что через несколько месяцев будешь снимать фильм по своему сценарию, а не просто писать его, только чтобы написать. Как я додумался до испанского видеорынка? Наверное, все началось в марте 1991 года. “Больной на голову” колесил по фестивалям и неплохо принимался публикой. Мне позвонил Карлос Галлардо и пригласил к себе в Мексику. “Снимать еще один фильм?” – спросил я.

“Нет, – ответил он, – посмотреть, как снимают другие”. Он пояснил: создавался фильм с самым большим в Мексике бюджетом – киноверсия мексиканской новеллы-бестселлера “Как вода для шоколада”. И он снимался в Сьюдад-Акунье, родном городе Карлоса. Режиссер Альфонсо Арау выбрал моего друга для помощи в съемках, поскольку тот имел некоторый режиссерский опыт, и к тому же Сьюдад-Акунья ему знаком. Я решил обязательно отснять немного закулисного материала фильма, обещавшего стать самым популярным мексиканским экшеном за последние несколько лет. Хотелось также увидеть установку съемочного оборудования, и я надеялся, что это будут интересные и очень продуктивные весенние каникулы. Поэтому я поехал.

Авторская заметка

То, что вы прочитаете дальше, – выдержки из дневника, который я вел во время создания первого полнометражного художественного фильма “Эль Марьячи”. В нем – откровения о несметном количестве удач и счастливых случайностей, сопровождавших меня практически во всем. Также интересно отследить последовательность развития того, что вначале было лишь схемой быстрого заработка и шансом немного попрактиковаться в съемке полнометражных фильмов.

Это увлекательная, записанная в непринужденной манере история обо всем – от рождения идеи “Эль Марьячи”, зарабатывания средств и написания сценария, что в моем случае шло рука об руку, до съемок самого фильма, монтажа и поездки в Лос-Анджелес для поиска распространителя. А также о том, как я встретил в Лос-Анджелесе агента одного из крупнейших в мире актерских агентств, и о том, чего можно ожидать от подобной встречи. О том, как звонили из студий, желающих видеть мои идеи в своих проектах, и о продаже “Эль Марьячи” в Columbia Pictures; о повторном монтаже для производства окончательной копии фильма и выпуска на 35-миллиметровой пленке. О посещении фестивалей, включая площадки Теллурайда, Торонто и кинофорум “Сандэнс”. И наконец, о релизе моего домашнего кинофильма главной голливудской студией. Приятного чтения...

Глава 1. Идея

Пятница, 8 марта, 1991

Чувствую себя неважно. Я надеялся сбежать из Остина, чтобы не подхватить от жены кишечный вирус. Не сумел.

Доехал на машине до Сьюдад-Акуньи и прибыл в пустой дом Карлоса Галлардо. Эйчби, питбуль Карлоса, не признав меня, попытался перепрыгнуть ограду и прикончить незваного гостя. Я кинул ему кости и объедки жареного цыпленка, оставшиеся после перекуса в машине, и это его вроде успокоило. Дружище.

Приехала сестра Карлоса и пустила в дом. Мне нравится это место. Дом стоит в тени, поэтому воздух в нем всегда прохладный; очень удобная гостевая и холодильник всегда забит под завязку. Я заснул. Карлос подъехал, как раз когда я проснулся. Мы проговорили до полвторого ночи. Он рассказывал о фильме “Как вода для шоколада”, режиссере Альфонсо Арау и о том, как сложна съемка. Я привез камеру, чтобы запечатлеть происходящее, пока буду здесь. У меня весенние каникулы. По возвращении в Остин со своими университетскими приятелями Томми Никсом и Эдисоном Джексоном начну снимать короткий студенческий фильм под названием *Pretty Good Man*². Карлос пообещал завтра познакомить меня с Альфонсом Арау.

---

² С англ.: “довольно хороший человек”.

Суббота, 9 марта, 1991

Мы проснулись в полвосьмого утра и поехали в Мирадор – там в кафетерии завтракали актеры и съемочная группа. Пахло какими-то ^{menuda}³. Карлос познакомил меня с Эммануэлем El ^{Chivo}⁴ Любецки, оператором-постановщиком, оказавшимся очень приятным парнем; он был похож на Кенни Джи. Потом меня позвали за другой столик, где Альфонсо Арау завтракал со звездой фильма Люми Кавазосом и еще некоторыми людьми из команды. Альфонсо встал поздороваться, предложил присесть и посоветовал отснять как можно больше материала. Карлос представил меня супруге Альфонсо, Лауре Эскивель – писательнице, которая и была инициатором всего происходящего. Она же написала постановочный сценарий. Мы пошли на съемочную площадку, и я снимал до трех часов дня все, что творилось вокруг. В субботу короткий рабочий день. Съемки приостановились на выходные. Я уехал домой, чтобы хорошенько выспаться и окончательно вылечиться.

Понедельник, 11 марта, 1991

Все еще плохо себя чувствую. Настолько плохо, что мама Карлоса, Кармен, отвела меня к врачу. Медсестра сделала укол в задницу, и это немного привело меня в чувство. Не получал таких с детства.

Вторник, 12 марта, 1991

Сижу дома, восстанавливаю силы и смотрю кабельное телевидение. Этот город – просто рай для киносъемок. Местная телестанция ловит на свою тарелку сигнал из США и передает его по кабелю всему городу, поэтому у всех бесплатно показывает “Эйч-би-о”, и даже за “Синемакс” платить не надо.

Чувствую себя лучше и к 16:00 поехал на площадку. У них по графику ночные съемки. Я рассказывал Лауре Эскивель о “Больном на голову” и принес ей копию, поскольку знал, что Альфонсо сейчас очень занят. Если ей понравится, возможно, и Арау его посмотрит. Таков, по крайней мере, был мой план.

Среда, 13 марта, 1991

Приехал на съемочную площадку. Лаура и Альфонсо тоже там. Увидев меня, Лаура закричала: “Беллиссимо, Роберто! Я посмотрела ваш фильм три раза”. Она рассказала мне, как смотрела его одна, потом разбудила мужа и посмотрела вместе с ним, затем разбудила дочку, и в очередной раз они все вместе просмотрели мой фильм. Дала мне их адреса, чтобы я мог переслать следующий. Подошел Альфонсо и пожал руку: “Прекрасная работа, мне очень понравилась. Так необычно и забавно”. Лаура сказала, что ей импонирует темп фильма, сюжет, съемки, дети – в общем, все. Альфонсо добавил: “Этот ^{muchacho}⁵ умеет снимать”.

Четверг, 14 марта, 1991

Когда я снимал закулисные интервью, удалось запечатлеть диалог между Пончо, директором картины, и Карлосом. Пончо продюсирует мексиканские боевики и захотел, чтобы мы сняли фильм для него. Он говорил, что выпускает кинокартины на видео. Бюджет около 30 тысяч долларов, но нам он не сможет ничего заплатить (?) – зато мы сможем снять полнометражный фильм. Я сказал Карлосу, что стоит изучить его предложение. Если это правда, мы сами смогли бы сделать классный фильм за гораздо меньшие деньги. Карлос согласился. Зачем бесплатно работать до изнеможения на этого парня и в конечном итоге не иметь никаких прав на свой проект?

Начал обдумывать историю, которая пришла в голову несколько лет назад, о человеке с футляром от гитары, набитым оружием и различными техническими устройствами, которого все зовут Марьячи.

Я готов ехать домой. Есть отличный видеоматериал, получены великолепные комплименты по поводу моего фильма, и теперь я мотивирован на создание еще одного.

С марта по май, 1991

Я снова заряжен на создание фильмов. “Больной на голову” гулял по фестивалям, а я вернулся в режиссерскую школу, чтобы сделать короткометражку. Это был мой первый фильм, снятый на 16-миллиметровую пленку с синхронной звукозаписью. Настоящая заноза в заднице. Я трудился над ним с Томми Никсом и Эдисоном Джексоном. Даже нарисовал цветную анимированную заставку, затратив на это немало времени. То же самое я делал для “Больного на голову”. Три сотни рисунков от руки, сделанных на бумаге для пишущих машинок, чтобы получить 30-секундную вступительную заставку.

---

³ С исп.: “потроха”.

⁴ С исп.: “козел”.

⁵ С исп.: “парень”.

Мы закончили короткометражный 15-минутный фильм *Pretty good man*, и он получился... довольно хорошим. После студенческого кинопоказа было много положительных отзывов. Я еще больше вдохновился на создание этим летом полнометражного фильма.

Первую работу я получил в университетской фотолаборатории. Помню, как первый босс, мистер Риохас, после просмотра моих мультфильмов и фотографий сказал, что талант есть, но чтобы достичь успеха, нужно стать профессионалом в технических вопросах. И добавил, что любой может быть подкованным технически, но не у всех есть творческая составляющая. Равно как полно талантливых людей, которые так и не смогли ничего добиться, не имея технических навыков. Считается, что одна из особенностей творческого человека, прежде снимавшего на киноплёнку, – пренебрежение съёмкой на магнитную ленту. Поэтому у них валяется несколько старых 16-миллиметровых камер *Arriflex*, и никто не в курсе, работают ли они. Но было бы неплохо заполучить одну такую. Каждая стоит 1,8 тысячи долларов. Если мы сэкономим на камерах, легко сможем снимать фильмы дешевле 10 тысяч долларов.

Среда, 15 мая, 1991

Карлос приехал с 35-миллиметровой камерой *Bell*, а также камерами *Howell 71-QM* и *Voilex Paillard*. Красиво, но очень дорого. Собираюсь позвонить завтра в *Pharmaco* – местный центр исследования медицинских препаратов. Скоро они будут проводить опыты на добровольцах и заплатят за это 3 тысячи долларов. Я посижу взаперти в течение месяца, но заработаю неплохие деньги, и к тому же у меня будет время написать сценарий. *Pharmaco* платит здоровым мужчинам за то, что те выступают в качестве подопытных кроликов для испытаний последних фармацевтических разработок. Такие лаборатории разбросаны по всей стране – чаще всего в студенческих городках, где в достатке здоровых молодых людей, готовых подвергнуться испытаниям. *Pharmaco* стал моим вторым домом.

Мне действительно нужен перерыв: я очень упорно работал последние два семестра – снял два короткометражных фильма, попутно трудясь на двух работах и посещая занятия в режиссерской школе, и совсем не было времени написать толковый сценарий для полнометражного фильма. Но если мы планируем снять фильм этим летом, нужно поторапливаться. Желательно заранее подготовить полностью проработанный сценарий.

Не могу просто взять и бросить две работы ради сценария. Нужно какое-нибудь спокойное место, чтобы я мог писать и при этом зарабатывать деньги на съёмки. *Pharmaco*. Идеальное место. Я смогу получить больше денег, чем на двух нынешних работах, вместе взятых. Собственная оплаченная комната, питание – и куча свободного времени на написание сценария, поскольку меня целый месяц не будут выпускать из исследовательского центра.

Больше нечего будет делать, кроме как смотреть фильмы и писать. Превосходно. Два в одном: отпуск и убежище для писателя. Только бы я подошел им. Отбор достаточно жесткий. Придется соревноваться с 40 другими парнями: только около 20 пройдут.

Четверг, 16 мая, 1991

Делаем с Карлосом домашнее задание. Начали с похода в местный видеомгазин. Взяли в прокат последний из мексиканских фильмов *Escape nocturnal*⁶. Полный отстой. Все эти *straight-to-video*⁷ фильмы делаются ради быстрого заработка. Очевидно, что кто бы их ни делал, он был сосредоточен на создании красивой обложки и написании там имен актеров, а саму плёнку заполнял слабым материалом. Я был уверен, что мы сможем снять фильм гораздо лучше, потратив меньше усилий. Мы же будем стараться сделать хороший фильм, чтобы вынести для себя какие-то уроки, а не ради заработка. А эти сляпаны так, словно никто даже не пытался привнести в них хоть что-нибудь ценное. Никакого экшена, никто не бежит по улицам, все снято в чьей-то квартире. А вот что мы сможем в *Сьюдад-Акунье*: обежать все улицы и сделать так, чтобы фильм казался дорогим. Единственное хорошее в том кино – актриса в главной роли, звезда мексиканских мыльных опер. В этом ключ к успеху. Нужно, чтобы в нашем фильме появился какой-нибудь именитый актер, даже если его пристрелят в первые же пять минут. Но, к сожалению, у нас нет ни контактов, ни денег, чтобы заплатить такому актеру. Карлос сказал, что его семья дружит с семьей *Лины Сантос*. Это известная мексиканская актриса, родом из городка неподалеку от *Сьюдад-Акуньи*. Карлос думает, что сможет уговорить ее сделать нам одолжение и сниматься один день.

Элизабет готовит спагетти. Мы с Карлосом обсуждаем историю, которую я собираюсь описать. Сейчас у меня готова сцена, в которой *Азул* (плохой парень) и *Марьячи* заходят в один и тот же ресторан в разное время. *Марьячи* приходит туда, чтобы найти работу. Он спрашивает, почему в баре нет музыки, и бармен указывает на пианиста, играющего какую-то отвратительную мелодию. *Марьячи* понимает намек и удаляется. Затем в ресторан заходит *Азул*. Тоже с футляром для гитары.

⁶ С англ.: “ночной побег”.

⁷ “Прямоком на видео” <http://ru.wikipedia.org/wiki/Direct-to-video>. Устоявшееся англоязычное выражение, обозначающее категорию дешевых либо неудачных кинокартин с точки зрения проката.

Заказывает пиво и подходит к столу, за которым сидят плохие парни. Он открывает футляр и убивает их, потом удаляется. Бармен пытается вызвать копов. Азул возвращается в бар и направляется напрямик к нему. Бармен думает, что ему тоже крышка, но вместо этого слышит звук открывающейся бутылки. Азул просто выпивает пиво, расплачивается и покидает бар. Бармен звонит боссу и описывает Азула как плохого парня, одетого во все черное, с футляром для гитары. Возможно, это и будет начальная сцена. Я разыграл ее для Карлоса. Ему понравилось.

Четверг, 21 мая, 1991

Прошел отборочное обследование в Pharmaco на роль подопытного за 3 тысячи долларов. Они проводят различные проверки: хотят убедиться, что перед ними хороший “образец”. За несколько дней до сдачи анализов нужно есть только здоровую пищу – чтобы очистить кровь, и пить много воды – чтобы вымыть съеденную до этого пиццу.

Мы сидели в комнате, и перед тем, как взять кровь на анализ, медсестра задавала “отсеивающие вопросы”. Один парень поднял руку и спросил, имеет ли какое-то значение то, что вчера вечером он съел пару эскимо. Его тут же отправили домой. Артерии, забитые мороженым, не оставляли шансов конкурентоспособности крови. С нами находились и несколько “профи”: их легко было распознать по количеству дырок на руках и по знакомству с персоналом. Как-то жутковато. Я познакомился с людьми, которые занимаются этим на постоянной основе. Такой вид деятельности приносит неплохой доход, но я уверен, что через некоторое время лекарства вызывают привыкание.

Вторник, 22 мая, 1991

Послал “Больного на голову” на кинофестиваль Marin County⁸ и на Мельбурнский (в Австралии).

Сходил на фильм Джона Ву “Наемный убийца”. Черт побери. Хотел бы я иметь больше денег, чтобы использовать в фильмах пиротехнические патроны для создания эффектов выстрелов и ранений.

Среда, 28 мая, 1991

“Больной на голову” победил в очередной раз! Это был конкурс изобразительных искусств университета Миссури. Фильм уже показывали на Night Flight⁹, он победил на кинофестивале в Каролине, на третьем кинофестивале океанского побережья, и теперь еще здесь, в Миссури.

Чем больше я думал об этом полнометражном фильме за 8 тысяч долларов, тем больше был уверен в успехе. Никто из режиссерской школы не верил, что мы справимся. А я, ей-богу, не мог представить, как можно облажаться. Разве что только по техническим причинам. Например, из-за огромной царапины на киноплёнке или постоянных неполадок с оборудованием. В остальном, если мы все тщательно спланируем, что и собирались сделать, я видел успех. Если даже не все выйдет идеально, то что? В любом случае в нашем фильме будет больше экшена, и в него будет вложено больше труда и страсти, чем в дюжину обычных дешёвок, наштампованных ради быстрой наживы. У нас не должно возникнуть проблем с его продажей, а на выручку мы сможем снять вторую часть и продолжить работать еще упорнее над сиквелом. Единственное, о чем я продолжаю думать, – почему никто не делал этого раньше?

Один мексиканский эксперт в сфере продюсирования узнал, что мы собираемся напрямую ворваться на испанский видеорынок, и захотел принять в этом участие в качестве продюсера. Он сказал, что снабдит нас командой, будет следить за кинопроизводством во время съемочного периода и бла-бла-бла. Черта с два. Я сказал, что мы не нуждаемся в его услугах.

Ни в чьих услугах.

Среда, 29 мая, 1991

Пришел в Pharmaco на медосмотр. Конечно, хорошо бы меня допустили на это исследование, или наш проект можно считать мертвым еще до его рождения. Нам не у кого занимать деньги, и на самом деле мне бы вообще не хотелось занимать. Деньги, которые мы получим от фильма, сразу вложим в создание следующего. Не хочется отдавать кому-то свою выручку. Мы решили, что все риски за этот проект должны лежать на нас. Кроме того, по собственному опыту: к своим деньгам относишься гораздо более ответственно.

Глава 2. Я – Подопытная крыса

Я был подопытной крысой четырежды. Первый раз в 1989-м. В университетские годы сосед по комнате искал различные исследования, проводившиеся в медицинских научных учреждениях, за участие в которых можно было получить деньги. На них он хотел купить новый проигрыватель. Я сказал, что он идиот, потому что участвует в медицинских экспериментах, и предупредил, что со временем препараты накопятся у него в организме и он станет бесплодным, у него случится

---

⁸ Кинофестиваль графства Мерин

⁹ С англ.: “ночной полет”

заражение крови, а клетки мозга отомрут. Откуда знать, что за фигню они там колют? Чтобы они там с ним ни делали, это не стоит полученных денег. В то время я думал именно так.

Спустя несколько месяцев существования на мели у меня не оставалось выбора, как пойти по его стопам. Тогда он назвал меня лицемером. И сейчас так говорит. Особенно после того, как по телевизору увидел меня, рассказывающего о продаже собственного тела во имя науки и о съемке “Эль Марьячи” на вырученные деньги. В то время я думал, что участие в подобных научных экспериментах – единственный выход, и от этого чувствовал себя отвратительно.

Меня наконец-то приняли на факультет режиссуры. Я хотел посещать занятия, имея достаточно денег для съемок фильма, который в будущем мог бы удостоиться различных наград. И поскольку это будет мой первый фильм, снятый на киноплёнку 16 мм, я знал, что потрачу на него очень много времени, приложу массу усилий, чтобы в итоге отсылать его на большие кинофестивали. Не хотелось, чтобы недостаток финансов препятствовал должному исполнению задуманного.

И вот я позвонил на горячую линию научно-исследовательской клиники Pharmaco, получил информацию о приближающихся испытаниях. Мне перечислили множество различных исследований. Некоторые из них длились всего несколько дней, другие – недель. Также было озвучено одно стоимостью 2 тысячи долларов, и всего за семь дней пребывания в учреждении. Оно показалось мне самым лучшим. Это, безусловно, было самое денежное предложение: кажется, я нашел золотую жилу.

Оказалось, что препарат, который они изучали, предназначался для ускорения заживления, а это означало, что для его испытания им придется меня изрезать. Они проводили пункционную биопсию на внешних сторонах обеих рук, затем на одной руке использовали плацебо, а на другой – свое заживляющее средство. Потом обматывали обе дырки стерильной лентой и выпускали меня погулять вокруг клиники. Спустя семь дней платили 2 тысячи долларов и отпускали.

Единственный подвох был в том, что им требовались мои руки для дальнейших исследований, поэтому они срезали с них пару кусочков кожи. И теперь на моих руках есть два круглых шрама, напоминаящих, как я зарабатывал деньги на свои фильмы. Но у этой истории счастливый конец: так вышло, я нашел этим деньгам хорошее применение и снял короткометражку под названием “Больной на голову”, которая завоевала несколько наград. Теперь могу сказать, что если вы зарабатываете деньги кровью – я имею в виду настоящую, реальную кровь, – то будете осторожнее относиться к их трате.

Деньги закончились быстро. Что-то ушло на сам фильм, но большая часть была потрачена на обучение, счета и т. п. Спустя шесть дней я вернулся в Pharmaco для участия во втором исследовании – девятидневном испытании за тысячу долларов. Денег платили меньше, и времени требовалось больше, но и болевые факторы были снижены. В этот раз они испытывали антидепрессант. Я думаю, он работал: к концу девятидневного срока все члены нашей группы готовы были поубивать друг друга.

Мне нужен был камкордер¹⁰, и это было главной причиной, по которой я решил принять участие в исследовании. Я снимал фильмы уже несколько лет, но оборудование всегда приходилось брать в аренду. На деньги, полученные за испытание на себе различных препаратов, я купил камкордер, и с тех пор он не раз меня выручал. Медицинские исследования позволили получить доступ к быстрым деньгам и в некотором смысле претворить мечты в жизнь.

Подходило время снимать “Эль Марьячи”, и я подыскивал какое-нибудь тихое и спокойное местечко, чтобы одновременно и писать сценарий, и зарабатывать деньги. Исследовательские медицинские учреждения соответствовали этим требованиям. Я мог получить около 3 тысяч долларов. Там предоставляли бесплатную комнату, питание и достаточно свободного времени, чтобы одновременно отдохнуть и поработать. Кроме того, я обнаружил, что исследования, длящиеся дольше, оказывались менее болезненными, чем краткосрочные. Вот почему мне заплатили 2 тысячи за порезанные руки и семь дней моего времени: учитывался фактор боли. Исследование с использованием более мягких процедур и менее радикальных средств лечения, которое длится месяц, принесет мне 3 тысячи долларов. По сути, платят только за время. Что я получал в итоге: максимум времени для написания сценария, высокую цену и меньше боли. Записывайте меня. Если представлять, что мне заплатят за написание сценария, всю эту авантюру легче воспринимать. С таким подходом я смогу писать с комфортом и удовольствием и получать опыт, находясь в псевдоотпуске. Я успешно завершил съемки двух короткометражных фильмов, отложил в сторону десятимесячную непрерывную работу, занятия в университете и готов был запереться где-нибудь и просто расслабляться, попутно просматривая взятые напрокат фильмы и сочиняя сценарий своего боевика. И только сейчас, по зрелому размышлению, я осознаю, что это было сумасшедшее время.

---

¹⁰ Видеокамера со встроенным видеомagnитофоном.

Пятница, 31 мая, 1991

В 13:00 я прошел регистрацию в исследовательском центре. В моей сумке лежали ежедневник, несколько пачек линованных картонных карточек, личные вещи, книга Стивена Кинга в мягком переплете, несколько блокнотов стандартного размера, ручка-перо, блокнот для рисования и небольшой вентилятор. Не могу заснуть без звука работающего вентилятора у себя над головой, даже зимой, – без этого источника постоянного поддразнивания собратьев – подопытных крыс.

Даже если клиникам требовались только 15 человек для проведения испытаний, в первый день они все равно допускали 19. Эти четыре дополнительных парня шли про запас. Исследователи снова проводили такие же анализы, как во время первого обследования: анализ крови, мочи, проверку работы сердца – все, о чем только можно мечтать...

Если по какой-либо причине проверка задерживалась, например из-за выпитого вами несколько дней назад пива или выкуренной сигареты, или почему-то уровень ваших ферментов и триглицеридов немного отличался от того, который показали первичные анализы, вас отправляли домой и ставили на ваше место запасного парня. Эти запасные помогали восполнить дырку, образовавшуюся лишь потому, что кто-то несколькими днями ранее решил повеселиться и подпортить свой организм.

У одного несчастного во время обычной проверки и досмотра вещей при входе в клинику обнаружили какую-то экспериментальную зубную пасту. Исследователям показалось, что эта паста может испортить результаты испытания. Бедолага умолял работников клиники, ссылаясь на то, что даже не пользовался ею, и она, что было очевидно, не распакована, и что его ни в чем не повинная девушка необдуманно положила в сумку эту пасту, которую ей когда-то дали в качестве пробника. Работники сказали, что им необходимо позвонить спонсору исследования для получения одобрения.

Мы все сидели и ждали, как сложится судьба парня с пастой. Спонсору послали сообщение на пейджер, а парень с пастой продолжал умолять допустить его к исследованию. Он уже давно запланировал эту поездку, был выведен из штата на работе, и ему уже подобрали замену. Он так нуждался в этих 3 тысячах долларов. Пришел ответ от спонсора. Он не хотел рисковать, поэтому парня с пастой “слили”.

Этот случай подпортил настроение всем присутствующим. Я тоже осознавал, что запланировал находиться здесь взаперти в течение месяца, вышел из штата на двух своих работах, меня подменил другой человек. Я на все 100 % рассчитывал использовать эту возможность, чтобы написать сценарий в тихом, спокойном месте и заработать легкие 3 тысячи долларов для спонсирования собственного фильма. Поэтому тихонько молился, чтобы результаты моих анализов были в порядке, и чувствовал, как учащался пульс от одной мысли, что, невзирая на настрой выпасть из своего будничного мира на четыре недели, сегодня все-таки придется вернуться с пустыми руками.

Вне всяких сомнений, самое страшное во всем этом было не то, что на мне будут испытывать фармацевтические препараты, проводить осмотры с полным раздеванием, присоединять ко мне кардиомониторы, заставлять испражняться в банку, а мысль о том, что меня могут развернуть и отправить домой в первый же день. Например, из-за разыгравшихся энзимов, издегавшихся триглицеридов, крови в моче. Или даже из-за такой глупости, как учащенный пульс, который появлялся у меня от одной только подобной мысли.

Мы прошли все обследования и ждали результатов в телевизионной комнате. Спустя час прошумело переговорное устройство внутренней связи, и были названы имена четырех человек. Их попросили пройти в приемную. Я оказался среди них. Самым ужасным ощущением за все это время было то, что меня могут выкинуть еще до начала. Какой же ты неудачник, даже не можешь получить права стать подопытной крысой!

Я пришел в приемную. Выяснилось, что были какие-то проблемы с моей электрокардиограммой. Предположительно, в первый раз датчики были неправильно присоединены, и данное обследование придется повторить. Я пошел в комнату ЭКГ. Там тебя кладут на стол, прицепляют около 12 электродов к различным точкам на груди, руках и ногах. Просят ровно дышать, смотреть в одну точку на потолке и не шевелиться. Даже глазами. Анализы оказались хорошими. По всем остальным я тоже был годен.

В 19:00 одобрили мое дальнейшее пребывание в клинике в течение месяца в качестве добровольца. У меня получилось! Я – подопытная крыса! Вся группа была так рада, что стала практически командой. Теперь все могли оплатить долги, кредиты, заплатить за обучение – все что угодно. Перспективы самые радужные. Теперь все, что нам оставалось делать, так это продержаться до конца. Ты получал полную сумму, только если завершал всю программу испытаний. Но сейчас мы все были счастливы.

Представьте себе тюрьму, где все заключенные – добровольцы и только рады быть запертыми. То же самое было и у нас. Я даже позвонил жене, чтобы поделиться хорошими новостями. Для пациентов работало пять телефонов-автоматов, и все они были заняты подопытными, также делящимися со своими подругами хорошими новостями. Я слышал, как парень рядом со мной чуть ли не плача говорил: “Ну ладно тебе, крошка, я делаю это ради нас... позволь мне...”

Остаток вечера мы могли заниматься своими делами и потихоньку обживаться. У каждого было одно место на двухъярусной кровати с ящичком для личных принадлежностей под матрасом. Гардероб был не нужен, потому что всем предоставляли униформу.

Я установил вентилятор и, как и другие парни из группы, прикрепил на верхний матрас выданный календарь, чтобы каждое утро, просыпаясь, смотреть, сколько еще дней осталось. Все зачеркнули первый день. Нам выдали униформу: зеленые захудалые штаны и красные футболки с красующимся впереди логотипом исследовательской клиники. Мы должны были все время носить эти футболки, чтобы координаторы и медработники могли распознать, какой препарат на нас испытывается. У каждой группы был свой цвет. Чтобы позвать к телефону-автомату или если вы опаздывали на процедуру, по переговорному устройству называли ваш номер и цвет футболки. Никаких имен. Поэтому вы слышали “бирюзовый 15, дикая орхидея 5 (серьезно!), лимонно-желтый 4”.

Я был красным 11.

В телекомнате по телевизору с большим экраном показывали какой-то фильм. “Я уже видел его”, – мелькнула мысль. И уже был готов уйти и заняться чем-нибудь более полезным, как понял, что сейчас здесь ничем таким не смогу заняться. Ничем, кроме как начать успокаиваться и привыкать к мысли, что я в отпуске. У меня были такие невероятные, насыщенные десять месяцев, что было странно осознавать все происходящее. Сейчас у меня куча времени, я могу расслабиться, устройшись поудобнее, и посмотреть фильм, который уже когда-то видел. Что я и сделал. Пока мне все нравится. Начну писать сценарий на следующей неделе, а первую буду просто отдыхать.

Суббота, 1 июня, 1991

Наступил первый настоящий день здесь: началась жизнь подопытной крысы. На завтрак – две миски каши с отрубями и изюмом, сок, две порции молока, банан, пончик и масло. Это гораздо больше, чем я съедаю дома. Еще одна причина, по которой мне нравилось это место. Питались мы четыре раза в день.

Сегодня они сделают десять заборов крови. Но потом каждый день будет только один. Это совсем неплохо. Во время некоторых исследований проводят около 24 анализов крови в день. Каждый час по одному. К концу исследования у испытуемого вместо рук подушечки для иглол.

Одна из работниц рассказывала, что как-то раз во время одного из таких исследований с ежечасным анализом ей приходилось брать кровь у пациентов, даже когда они спали. Она еще говорила, что некоторые работники ленились и вместо того, чтобы находить часть вены, где не было дырки, брали кровь из старых. От этих уколов дырки так сильно увеличивались, что из руки начинала бить струя крови и приходилось накладывать жгут. Вот блин.

Парень по имени Питер Марквардт, спавший рядом со мной, был слегка напуган всем происходящим. Это было его первое исследование. Большая часть людей, уже принимавших участие в подобных экспериментах, начинали с менее продолжительных. Скажем, протяженностью в выходные или одну неделю, а затем уже переходили к испытаниям длиной в месяц. Но Питер сразу же влез в месячное исследование и пока еще плохо ориентировался во всем. Я пытался объяснить, что уколы безвредны и легки. Но они пока таковыми не были. По какой-то причине нам попались самые худшие медицинские работники: уже два из них промазали мимо моей вены. Идет только первый день, а я уже весь израненный. Питеру кажется, что он не сможет справиться со всем этим.

Один парень из нашей группы, Эрнан, вышел из комнаты, где берут кровь, с куском льда на руке и прижатым к ней ватным тампоном, из которого капала кровь. Парень выглядел ужасно. Питер был следующим. У Эрнана на руке были кровоподтеки. Он сказал, что медработник слишком глубоко засунул иглу, проткнул вену насквозь, и кровь просочилась прямо под кожу, поэтому образовались гематомы. Блеск. Я вошел. Работник выглядел не очень компетентно. Я сел, начал интенсивно работать рукой и накачивать в нее кровь, чтобы вены выпирали как можно больше и в них легко было попасть. Он постучал пальцем по венам и сказал: “Огромные у тебя вены. И в темноте не промахнешься”. К счастью, все прошло хорошо. У Питера тоже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО “ЛитРес”.

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.